

Свѣтлой памяти друга и союзника по Соловецкому концлагерю протопресвитера о. Михаила Польскаго.

21 мая сего года скончался в Санъ Франциско исключительно выдающийся пастырь Русской Зарубежной Церкви, замѣчательный церковно-политическій дѣятель, высоко талантливый духовный писатель и прекрасной души человекъ, протопресвитеръ отецъ Михаилъ Польскій. Катакомбная Церковь в Совѣтской Россіи и Русская Зарубежная Церковь многимъ обязана этому скромному великому человеку.

Отецъ Михаилъ родился в благочестивой семьѣ псаломщика Кубанской области 6 ноября 1891 года. По окончаніи Ставропольской Духовной Семинаріи в 1914 году, еще не принявъ сана, онъ выступилъ на миссіонерскую противосектантскую работу, а в 1920 году, в разгаръ коммунистическаго гоненія на Православную Церковь, принялъ священство. В 1921 г. молодой священникъ-миссіонеръ поступилъ в Московскую Духовную Академію, которая вскорѣ была закрыта. Тогда упорный студентъ-пастырь рѣшилъ пройти академическій курсъ тайно, секретно, в личномъ общеніи съ профессорами Академіи, что тогда было еще возможно. Святѣйшій патриархъ Тихонъ далъ свое архипастырское благословеніе на дальнѣйшую дѣятельность молодого пастыря. В 1923 г. о. Михаилъ былъ арестованъ и, послѣ тюремнаго заключенія, сосланъ на 3 года в Соловецкій страшный концлагерь. Изъ прекрасной, сжатой и скупой на выраженія, чувствъ статьи о. Михаила «Соловецкій лагерь» (Первая впечатлѣнія), напечатанной в Сборникѣ «День Русскаго Ребенка», выпускъ 18-й, апрѣль 1951 г., мы узнаемъ о частыхъ разстрѣлахъ заключенныхъ, по самымъ разнообразнымъ причинамъ, которыя постоянно грозили всѣмъ насельникамъ лагеря. И, тѣмъ не менѣе, о. Михаилъ пишетъ: «И это была лучшая пора заключенія. Это были цвѣтики, а ягоды были впереди. Мы отсидѣли свои сроки полностью... Я получилъ «довѣсокъ» (тюремное выраженіе) — три года ссылки в Зырянскій край и его также окончилъ в 1929 г. И наканунѣ «освобожденія», в полной увѣренности о новомъ арестѣ и о продолженіи новыхъ мытарствъ по тюрьмамъ и лагерямъ, рискнулъ жизнью и съ крайняго сѣвера, черезъ всю Россію, бѣжалъ на югъ, а в мартѣ 1930 г. перешелъ русско-персидскую границу. Что видѣно, что пережито,

сколько опасныхъ приключеній испытано... и вотъ живъ и «пою Богу моему дондеже есмь»...

Попавъ на свободу, о. Михаилъ в октябрѣ 1930 г. прибылъ в Палестину, в св. г. Иерусалимъ, в Русскую Духовную Миссію, которую тогда возглавлялъ архіепископъ Анастасій, нынѣ митрополитъ и Первоіерархъ Русской Зарубежной Церкви.

Съ января 1938 г. по іюнь 1948 г., в теченіе 10 лѣтъ, о. Михаилъ жилъ и работалъ в Лондонѣ. Первымъ замѣчательнымъ печатнымъ трудомъ его была книга «Положеніе Церкви в Совѣтской Россіи» (Очеркъ бѣжавшаго изъ Россіи священника), изданная подъ псевдонимомъ Михаилъ Священникъ в Иерусалимѣ в 1931 году. Второй большой печатный трудъ неутомимаго пастыря былъ написанъ в Лондонѣ и изданъ Свято-Троицкимъ монастыремъ в Джорданвиллѣ в 1948 г. подъ заглавіемъ «Каноническое положеніе Высшей Церковной Власти в СССР и заграницей».

Въ іюнь 1948 г. о. Михаилъ прибываетъ в Америку, в Санъ Франциско, и причисляется къ Свято-Скорбященскому Собору. В концѣ 1948 г. возникаетъ знаменитый Лосъ Анжелосскій процессъ, сущность котораго, коротко говоря, можно свести къ слѣдующему. Преображенскій приходъ в г. Лосъ Анжелосъ принадлежалъ отъ своего основанія юрисдикціи Заграничнаго Архіерейскаго Собора и Синода, которымъ подчинялась и Американская митрополія. Когда же послѣдняя откололась отъ Синода на Кливлендскомъ Соборѣ 1946 г., то приходъ в своемъ большинствѣ не пожелалъ слѣдовать этому расколу и остался вѣренъ канонической правдѣ. Не взирая на это, Митрополія рѣшила оставить за собою храмъ, вслѣдствіе чего прихожанамъ пришлось подать в гражданскій судъ. Протоіерей о. Михаилъ Польскій принялъ горячее участіе в этомъ процессѣ какъ экспертъ-канонистъ, защищая каноническую правоту Русской Зарубежной Церкви. Судъ принужденъ былъ рѣшать вопросъ принципиально: какая юрисдикція имѣетъ право владѣть храмомъ, можно ли вообще слушаться Кливлендскаго рѣшенія, и кто именно находится в расколѣ? Послѣ тщательнаго и длительного разбора этой тяжбы между Сѣверо-Американской Митрополіей и Заграничнымъ Синодомъ, Верховный Судья Ж. В. Викарь вы-

Но и в тѣ дни гонимые проповѣдники Христа найдутъ возможность со славою проявить свое христіанское достоинство и обнаружить силу и спасительность Христова ученія. Они смѣло и открыто обнаружатъ свою преданность ученію Господа Иисуса Христа и съ глубокою силою вдохновенія будутъ доказывать истинность и спасительность Его ученія.

Глубоко дѣйственными, дышущими силою и величіемъ, рѣчи исповѣдниковъ будутъ потому, что Самъ Господь чрезъ Духа Святаго дастъ имъ премудрость и силу разума; получатъ они этотъ даръ, чтобы успѣшно бороться съ усиливающимся зломъ. Такъ было и в первое время существованія церкви Христовой, когда сила гонителей грозила разрушить дѣло Божіе. Исторія мучениковъ полна описанія чудесныхъ проявленій помощи Божіей, укрѣплявшей страдальцевъ, дававшей необычайную выносливость и безболѣзанность ихъ плоти и возбуждавшей даже в мучителяхъ сознание истинности и высоты христіанской религіи...

Вѣрующіе послѣднихъ временъ должны быть людьми высокаго духовнаго подъема. Собственныя духовныя силы и дары Божіи дадутъ возможность имъ удерживаться в вѣрѣ и благочестіи среди развращенія и безвѣрія большинства людей. Но

сила зла не ослабѣетъ отъ того, что вѣрующіе противостанутъ ей при помощи Божіей. Противодѣйствіе еще болѣе можетъ распалить злобу и ненависть погибшихъ для добра людей.

Но если бы и такъ — чѣмъ враги могутъ повредить вѣрующимъ, если и будутъ совершать надъ послѣдними вѣшнія насилия и даже убьютъ ихъ? Если сохранена душа, то смерть тѣла ничего не значить. «И не убойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить», сказалъ Господь (Мф. X, 28, переводъ Побѣдоносцева). Отсюда — утѣшительное: если душа не погибла, то о временномъ разрушеніи тѣла нечего печалиться: оно по всеобщемъ воскресеніи снова возстанетъ в полной неприкосновенности.

Да дастъ же намъ Богъ силу быть мужественными и не боязливыми. Все в Его власти. Онъ сказалъ: «но и волосъ съ головы вашей не погибнетъ». И: «терпѣніемъ вашимъ содержите души ваши» (Лк. 21, 18-19). Дай, Боже, быть намъ всѣмъ — Богоносцами и Христоносцами, храмосцами и святоносцами (Еф. V, 1-2), дивно и неизреченно преображаясь в новое, небеснаго человека.

Прот. Николай Депутатовъ.
Аделаида, 28 апр. 1960 г.

несъ рѣшеніе въ пользу Заграничнаго Синода и резюмировалъ его такъ: «всѣ приходы и церковныя объединенія, которые отказались признать авторитетъ Заграничнаго Синода, сдѣлались, и съ тѣхъ поръ продолжаютъ быть раскольничьей и незаконной фракціей или группой...» (См. «Рѣшеніе Высшаго Суда по лосъ-анжелосскому дѣлу», изданіе Св. Троицкаго монастыря, Джорданвилль, 1949 г., на русскомъ и англійскомъ языкахъ.)

За эту свою неоцѣнимую услугу Зарубежной Русской Церкви, о. Михаилъ Польскій былъ возведенъ въ санъ протопресвитера. Слѣдующимъ трудомъ о. Михаила была чрезвычайно цѣнная брошюра, изданная въ 1949 же году подъ заглавіемъ: «Американская Митрополія и Лосъ-Анжелосскій процессъ. Распутія Митрополіи. (Отвѣтъ противникамъ мира церковнаго)». Особенно ярко и убійственно сильно и убѣдительно написана послѣдняя глава брошюры: «Отвѣтъ Епископу Іоанну Бруклинскому (Шаховскому) на его брошюру «Пути Американской Митрополіи».

Въ 1949 же году выходитъ 1-й томъ главнаго труда о. Михаила — *Новые Мученики Россійскіе*, изданный Свято-Троицкимъ монастыремъ въ Джорданвиллѣ, въ США. Въ 1957 году въ томъ же издательствѣ выходитъ 2-й томъ этой замѣчательной работы. Передъ своей преждевременной кончиной о. Михаилъ заканчивалъ составленіе 3-го, послѣдняго тома, который, если Богъ дастъ, будетъ также напечатанъ. Въ 1952 г. вышла еще одна работа о. Михаила, также напечатанная Св. Троицкимъ монастыремъ, подъ заглавіемъ «Очеркъ положенія Русскаго Экзархата вселенской юрисдикціи». Кромѣ того имъ было написано много статей въ различныхъ органахъ («Православный Путь», «День Русскаго Ребенка», «Владимірскій Календарь» и др.). Въ 1950 г. Св. Троицкимъ монастыремъ была издана большая работа «Четвероевангеліе» (Текстъ четырехъ Евангелій, поставленный параллельно, въ хронологическомъ порядкѣ). Сопоставилъ текстъ А. С. Ананьинъ, подъ редакціей съ предисловіемъ и примѣчаніями протопресвитера о. Михаила Польскаго.

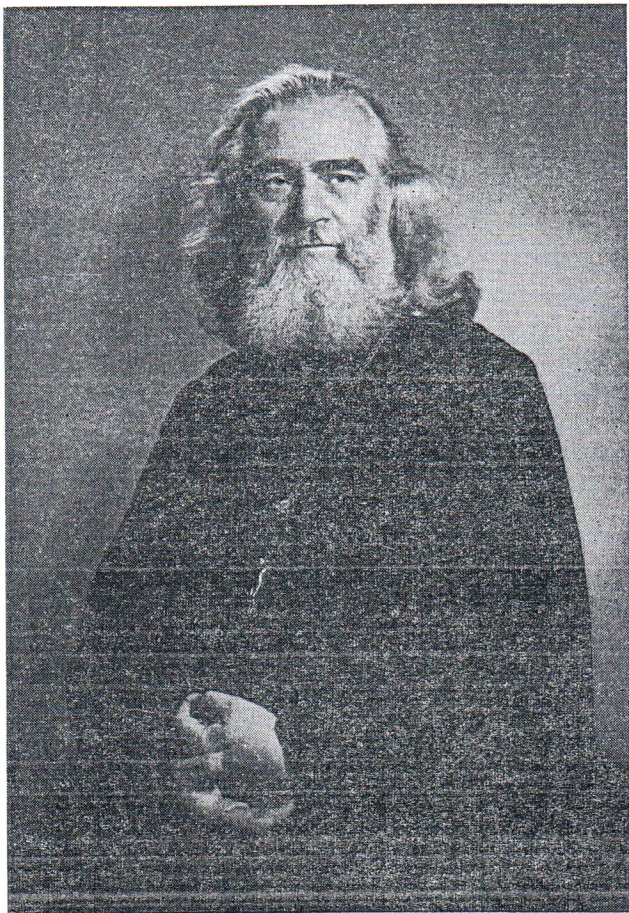
Всѣ работы о. Михаила имѣютъ огромное историческое значеніе и являются вѣчнымъ неумирающимъ нерукотвореннымъ памятникомъ дѣятельности этого воистину великаго человѣка нашего времени. Имя его несомнѣнно навсегда останется въ исторіи русской Церкви.

Довольно высокую оцѣнку личности и дѣятельности о. Михаила далъ и Первоіерархъ Русской Зарубежной Церкви митрополитъ Анастасій, извѣстный своей сугубо строгой требовательностью къ духовнымъ писателямъ, дабы «не развращать ихъ своими похвалами». Въ телеграммѣ на имя Архіепископа Тихона Владыка Митрополитъ сообщилъ: «Я глубоко опечаленъ кончиной добраго пастыря отца протопресвитера Михаила Польскаго. Его служеніе было весьма полезнымъ и цѣннымъ для нашей Соборной Русской Церкви. Молюсь, чтобы Милосердный Господь упокоилъ его душу въ селеніяхъ святыхъ».

Трудно краткими словами охарактеризовать такую богатую и глубокую личность, какъ почившій о. Михаилъ. Постоянное духовное горѣніе, неуклонная и напряженная цѣлеустремленность, связанная съ непрестаннымъ самоотверженіемъ и отсутствіемъ честолюбія, рѣзко выдѣляютъ его среди другихъ современныхъ дѣятелей. Скромность самооцѣнки у о. Михаила была поразительная. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ признавался мнѣ, что никакъ не можетъ понять: «за что меня цѣнятъ такіе люди какъ Вы и проф. Ив. Ал. Ильинъ? Не зная васъ обоихъ, какъ исключительно искреннихъ друзей, я могъ бы подумать, что Вы мнѣ льстите».

Во время «сергіанскаго раскола» 1927 г., еще будучи въ Сов. Россіи, о. Михаилъ замѣтилъ у многихъ защитниковъ митрополита Сергія душевную раздвоенность, о кото-

рой просто и ясно написалъ въ первой своей книгѣ, вышедшей въ Иерусалимѣ въ 1931 году: «Умственныхъ и теоретическихъ упражненій у дѣятелей Церкви было достаточно, но жизнь теперь экзаменовала сердце, нравственные устои, и оказалось, что многие люди имѣли, дѣйствительно,

золотыя головы, но глиняныя ноги: ходить путемъ правды имъ не подѣ силу». Самъ же о. Михаилъ имѣлъ не только «золотую голову» (которую считалъ только «мѣдной»), но и «стальныя» ноги, съ твердой поступью по прямому всегда пути. Привидность и неспособность ни къ какимъ компромиссамъ дѣлали его всегда въ жизни плохимъ дипломатомъ, что приводило часто къ конфликтамъ. Только высоко развитое чувство «церковной дисциплины» не позволяло ему переходить определенныхъ границъ протеста, когда его завѣтныя убѣжденія встрѣчали непониманіе. Но о. Михаилъ не отказывался отъ этихъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, въ большинствѣ случаевъ глубоко выстрадавшихъ, а съ глубокой скорбью дѣлился ими со своими близкими друзьями, обычно выражая твердую надежду, что рано или поздно его мысли будутъ признаны правильными. Незадолго до своей кончины онъ особенно настойчиво повторялъ двѣ свои мысли, которыя полезно нынче вспомнить. Первая: во избѣжаніе постоянной тяжелой путаницы и неопредѣленности въ отношеніяхъ съ Американской Митрополіей слѣдуетъ ясно и отчетливо объявить ее раскольничьей организаціей, со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями. Рѣшеніе Высшаго Суда по Лосъ-Анжелосскому процессу, какъ «доброе свидѣтельство отъ вѣшнихъ», основанное на

строгомъ изученіи святыхъ канонѣвъ Православной Церкви, дасть намъ моральное право для такой деклараціи. Вторая: канонизація приснопамятнаго о. Иоанна Кронштадтскаго, произведенная Русскою Зарубежною Церковью, не можетъ не имѣть рѣшающаго значенія для всего будущаго пути Русскаго Православія, какъ послѣдней надежды на избавленіе нашей Родины, вмѣстѣ съ ней и всего міра, отъ страшнаго ига коммунизма. Послѣ канонизаціи, молитвы къ новоявленному всему міру святому, преподобному о. Иоанну Кронштадтскому, могутъ вылиться въ такой безбрежный океанъ покаянныхъ слезъ, какого только и надо Господу, чтобы спасти Россію и дать ей возможность сказать свое недосказанное послѣднее «увѣщательное слово» всему міру о необходимости всенароднаго покаянія.

Для дальнѣйшей характеристики личности о. Михаила, не могу придумать лучшаго, какъ процитировать нѣкоторыя мѣста изъ его первой книги, написанной кровью сердца истиннаго исповѣдника.

«Митрополитъ Сергій всѣми своими посланіями и прещеніями своимъ архіереямъ твердитъ: «что бы я ни сдѣлалъ, а всетаки я законный, не можете меня ослушаться». Законники, которые и въ обновленчествѣ не увидѣли сути преступленія, а только нарушение канонѣвъ, послѣшили скорѣе повиноваться законному. И остались съ ложью и обманомъ, стали работать имъ. Они боролись за каноническаго, каноническій ихъ и посрамилъ, чтобы показать имъ, что не въ томъ была сущность, въ чемъ они ее полагали. Народъ, не подчиняясь обновленцамъ, не хотѣлъ подчиняться большевикамъ-безбожникамъ. Власть понимала эту политическую сущность борьбы съ обновленчествомъ и хотѣла ее вскрыть. Мы боялись правды и прикрывались канонами. Но пришла пора съ митрополитомъ Сергіемъ, когда нужно было говорить правду и мы испугались ее, не порвали съ властью, а сказали то, что говорили раньше: боремся только за каноны, очищаемся отъ политики. Ну, разъ только за каноны, то и работайте на ГПУ, на большевиковъ... Вотъ что мнѣ стало ясно, наконецъ, и «законный», утверждающій за собою право на всякое беззаконіе, сталъ мнѣ не страшенъ. Каноны не для защиты лжи, обмана и предательства. «Законный» сдѣлалъ то самое церковному народу, чего народъ боялся, когда боролся съ обновленцами: онъ заключилъ союзъ между Церковью и безбожниками. Это — предательство»... «Жена и мать умерли за годы моей разлуки съ ними, унеса къ Престолу Всевышняго свою тоску по мнѣ; я имѣю силы и, кажется, кое-какіе матеріалы, которые не найдутъ себѣ никакого мѣста въ Россіи, кромѣ тюрьмы или могилы. Впрочемъ, все это были не доводы, чтобы бѣжать мнѣ за границу. Я просто спасалъ душу свою, не жизнь, а душу. Препятствій къ побѣгу изъ ссылки и переходу чрезъ границу вѣдь никакихъ не было, кромѣ риска своей жизнью. Но я рѣшилъ рискнуть и ею, ибо я человѣкъ слабый. Я боялся уступить, пасть, измѣнить истинѣ, за которую боролся. На мои письма относительно митрополита Сергія отъ ряда епископовъ и священниковъ я получалъ увѣщанія: меня всѣ обращали въ Православіе, ибо я отступаю отъ законнаго. Я оказывался одинокимъ. Теряю почти всѣхъ старыхъ друзей. Единомысленники есть, но гдѣ они? Они, какъ и я, въ одиночествѣ, мы разбросаны. Чувство гнѣва и горькаго презрѣнія къ человѣческой безчестности охватывало мою душу, когда я читалъ оправданія лжи...»

Встрѣчая розовыхъ епископовъ, о. Михайлъ писалъ слѣдующія строки, которыя полезно было бы инымъ прочитать сейчасъ.

«Зачатки новыхъ нравственныхъ теорій, неслыханныхъ доселѣ въ Православіи, появились среди части епископата и духовенства Россіи, въ связи съ ихъ жестокии паденіемъ. Хочется имъ какъ то оправдаться, и ложь и клевету, трусость, немощь или сознательную подлость, заблужденіе

и ошибку представить въ видѣ тяжелой жертвы ради блага и пользы Церкви, а всѣ скорби и страданія (особенно отъ проявленій презрѣнія со стороны народа) за эти ложь и трусость считать крестомъ, страдальчествомъ ради Христа. Не хотятъ вспомнить слова апостольскаго: «то угодно, если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки?» (1 Посл. Петра, 2, 20)... «Мнѣ отъ увѣщаній моихъ друзей, отъ моего одиночества среди нихъ было такъ тяжело, что при мысли — если пройдетъ годъ и два, а м. б. и меньше, и я не выдержу, паду, сдамся, стану на ихъ путь единенія съ безбожниками — я рѣшилъ бѣжать во что бы то ни стало изъ этого общества для спасенія своей собственной души... «Я не пророкъ, а худшій изъ православныхъ русскихъ священниковъ Божіихъ, но я понималъ въ тѣ дни и переживалъ слова пророка, говорившаго Богу: «Сыны Израилевы оставили завѣтъ Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророковъ Твоихъ убили мечомъ; остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее» (3 Царствъ, 19, 10-14). «Но я былъ не одинъ. Я былъ одинъ только въ моей остановкѣ, и бѣжалъ отъ нея, какъ слабѣйшій изъ моихъ единомысленниковъ, разбросанныхъ и также одинокихъ, но оставшихся въ Россіи. Поистинѣ, Господь «оставилъ между израильянами семь тысячъ мужей; всѣхъ сихъ колѣна не преклонялись предъ Вааломъ, и всѣхъ сихъ уста не лобзали его»... «Православная Церковь въ Россіи есть, осталась. Она не съ митрополитомъ Сергіемъ, какъ и онъ не съ Нею. Тихоновская, патриаршая Церковь въ Россіи, какъ ранѣе, до м. Сергія, существовала, такъ и нынѣ существуетъ на легальномъ положеніи»... «Вѣрно и то, что Церковь можетъ жить во всякихъ условіяхъ, при всякой власти, но не путемъ соглашенія, каждый разъ, съ властью, и сдачи ей своихъ позицій, чтобы легализація ее, напримѣръ, пришла чрезъ побѣду безбожія надъ христіанствомъ, а не чрезъ побѣду христіанства надъ безбожіемъ. Поэтому Церковь можетъ жить и въ тюрьмахъ, ссылкахъ и катакомбахъ»...

Говоря о позиціи Восточныхъ Патріарховъ, о. Михайлъ съ глубокою горечью отмѣчаетъ, что съ истинной Православной Церковью они въ общеніи не состоятъ. «Прежде они подали руку общенія обновленцамъ, теперь — и обновленцамъ и митрополиту Сергію. Для нихъ самое важное, — кого признаетъ и съ кѣмъ въ общеніи гражданская власть»... «Какой же возможенъ миръ между закономъ и беззаконіемъ? Если для кого здѣсь (т. е. за границей) разница не велика, то для Православной Россіи миръ такой немислимъ»... «И какъ горько и больно было, среди издѣвательствъ и глумленій обновленцевъ, этихъ палачей Церкви и мошенниковъ, лишиться нравственной поддержки восточныхъ Патріарховъ, пережить и ихъ измѣну! Богъ свидѣтель этой русской православной скорби, доселѣ ничѣмъ не смягченной. Ему Одному приносимъ ее. Онъ да зачтетъ ее для милостей Своихъ намъ!»

Разоблачая лживость позиціи м. Сергія относительно лозунга — «долой политику изъ Церкви», о. Михайлъ предупреждаетъ, что «настанетъ моментъ, когда будете поставлены предъ необходимостью протестовать противъ войнъ съ СССР». (Что и случилось во время 2-й мировой войны).

Въ концѣ своей книги о. Михайлъ пишетъ: «Безусловно, что то, что называютъ по официальному виду Церковью въ Россіи, есть блудница, какъ это ни тяжело признать нашему русскому національному самолюбію... Но мы слѣшимъ заявить, что никто изъ постороннихъ, изъ иностранцевъ, не смѣетъ свысока судить о нашей Церкви. Что съ вами бы случилось, если бы васъ искусили такимъ огнемъ, какъ искусили Русскую Церковь? И не искушенные такъ, вы сумѣли пасть, вступая по худшимъ и нис-

шимъ побужденіямъ въ союзъ съ безбожной властью. «Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень». Вамъ остается только каяться въ своемъ блудѣ, а не то, что судить блудницу»... «И теперь, если отношеніе всего міра къ большевикамъ останется такимъ, каково оно сейчасъ есть, и если, вообще, все будетъ въ мірѣ продолжаться въ такомъ духѣ, какъ сейчасъ, безъ измѣненія къ лучшему, и если, главное, Богъ насъ оставилъ совсѣмъ, то въ исчезновеніи цѣлой Помѣстной Церкви, составляющей девяносто процентовъ всего Православнаго міра, сомнѣваться нельзя.»... «Но говорю это не для того, чтобы отнять всякую надежду. Напротивъ. Всѣ обстоятельства складываются такъ, что опорой нашею не остается ничего на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного Бога. Это-то знаменуетъ наступленіе благопріятнаго кризиса. Только такая глубокая, бездонная пучина нищеты нашей будетъ началомъ нашего возстановленія. Блаженъ, кто не потеряетъ вѣры до конца въ безысходныхъ обстоятельствахъ, — онъ получитъ выходъ изъ нихъ. Пусть враги вѣры нашей, глядя на насъ, покиваютъ головами своими, полагая, лишній разъ, что они правы и что не сегодня-завтра, мы сдѣлаемся ихъ пищей и они проглотятъ насъ. Пусть слабые отрекаются отъ своей вѣры Православной и даже національности. Пусть даже Вселенское Православіе заколебалось. Мы не боимся за Истину. Богъ не оставилъ насъ. Не для утѣшенія своихъ это говоримъ, а ради истины. Въ самомъ дѣлѣ, для кого же сейчасъ не очевидно, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни происходитъ и произойдетъ въ Россіи.»... «Поколебалось Православіе, чтобы утвердиться. Послѣ пораженія готовится побѣда. Вскрылись всѣ недостатки и пороки. Выболѣли всѣми болѣзнями. Имѣю основаніе сказать, — что бы ни было далѣе съ нашимъ народомъ, истина Православія уже утверждена имъ, все, что сдѣлано уже имъ, не останется безслѣднымъ, бесполезнымъ или невыясненнымъ. Православіе и сохранилось, и созрѣетъ, и достигнетъ своихъ вершинъ.»

Изъ этихъ цитатъ (занимающихъ всего только двѣ страницы изъ книги въ 122 страницы) уже видно, какимъ тономъ написана вся книга и ктo ее написалъ.

Въ глубокомъ нравственномъ одиночествѣ, священникъ-казакъ, казакъ не только тѣломъ, но и духомъ, не колеблясь рискуетъ жизнью, только бы не погубить души. Истинный русскій православный христіанинъ, побывавшій въ земномъ аду, закалялъ свою вѣру въ Россію, въ Церковь, во Христа, былъ вѣренъ имъ даже до смерти, а потому и заслужилъ надпись на крестѣ на своей могилѣ: «Пою Богу моему дондеже есмь». Именно такую надпись ему и слѣдуетъ непременно сдѣлать.

Послѣдній десятокъ лѣтъ своей жизни, незабвенный о. Михаилъ собиралъ матеріалы еще для одной, послѣдней, которую ему хотѣлось написать, книги, тема которой была — Система Органическаго Православнаго Богословія. Книга осталась ненаписанной. Господь судилъ иначе и взялъ своего избранника къ Себѣ раньше.

Проф. И. М. Андреевъ.

Икона Божіей Матери Иверская *).

Царствованіе греческаго императора Теофила (IX в.) было временемъ сильнѣйшихъ гоненій на святыхъ иконы. Христіане, почитавшіе иконы, были по распоряженію царя предаваемы пыткамъ. Иконы повсюду тщательнo разыскивали, брали изъ храмовъ и, кощунствуя надъ ними, сжигали.

*) Въ связи съ тѣмъ, что нынѣ слезы изливаетъ воспроизведеніе иконы Божіей Матери Иверскія, извлекаемъ краткое ея описаніе изъ книги «Сказаніе о земной жизни Пресвятой Богородицы», недавно изданной трудами архим. Пантеленмона.

Недалеко отъ города Никеи жила богатая, благочестивая вдова съ сыномъ. У нея была завѣтная святыня — чудотворная икона Богоматери. Для этой иконы она устроила у дома своего особую хранилищу, куда постоянно ходила молиться.

Царскіе сыщики, наряженные повсюду искать иконы, услышали объ этой святынѣ и, придя ко вдовѣ, сказали ей: «Давай денегъ, или мы тебя, исполняя царскую волю, замучимъ». Она просила ихъ подождать до слѣдующаго дня. Тѣ согласились. Но одинъ изъ нихъ во время разговора ударилъ мечомъ по образу, и тогда изъ ланиты Богоматери, какъ-бы изъ живого тѣла, истекла кровь. Долго вдова по уходѣ воиновъ молилась передъ иконой на колѣняхъ, воздѣвая руки къ небу, потомъ, обливаясь слезами, отнесла икону на морской берегъ и въ порывѣ величайшей вѣры воскликнула:

«Богоматерь! Ты царствуешь надъ всеми тварями, власть Твоя безгранична. Ты сильна избавить образъ Твой отъ потопленія!» Послѣ этой молитвы благочестивая хранилищница завѣтной иконы пустила ее по морю.

Каковы же были чувства ея, когда она увидѣла, что икона не упала въ воду, а встала прямо, точно кѣмъ-то поддерживаемая, и понеслась по водамъ къ западу!

Затѣмъ женщина та попросила сына оставить ее одну, чтобы принять смерть за иконопочитаніе, и умоляла его бѣжать въ Грецію. Тотъ отправился въ Солунь, затѣмъ перешелъ на Аѳонъ, принявъ тамъ иночество и подвизался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь устроена Иверская обитель.

Отъ него аѳонцы услышали рассказъ матери его объ иконѣ, пущенной въ море. Въ теченіе двухъ вѣковъ не было извѣстно, гдѣ скрывалась завѣтная святыня. Однажды иноки аѳонской Иверской обители увидѣли въ морѣ достигавшій до неба огненный столбъ. Пораженные изумленіемъ предъ чудомъ они зывали громко: «Господи, помилуй!» Видѣніе повторялось нѣсколько дней и почей подвизался.

Изъ всѣхъ близлежащихъ монастырей сошлись иноки, и тогда всѣ увидѣли съ берега, что столбъ стоитъ надъ иконой Богоматери, но чѣмъ ближе подходили они къ водѣ, тѣмъ далѣе уходила отъ нихъ икона. Иноки собрались всѣ въ храмъ со своимъ настоятелемъ и со слезами молились Богу, чтобы Онъ дозволилъ имъ взять святыню.

Въ то время подвизался въ этой обители старецъ грузинъ Гавріилъ. Жизни онъ былъ строгой, а нрава дѣтски-простого. Лѣтомъ безмолствовалъ онъ на вершинѣ неприступныхъ скалъ, зимой — сходилъ въ обитель, одѣвался во власницу, питался овощами, водой и походилъ на земного ангела.

Этому простецу явилась во снѣ озаренная дивнымъ небеснымъ свѣтомъ Богоматерь и сказала: «Скажи настоятелю и братіи, что Я хочу дать имъ Свою икону, Свой покровъ и помощь; потомъ войди въ море, ступай съ вѣрой по волнамъ, и тогда узнаютъ всѣ Мою любовь и благоволеніе къ вашей обители.»

Старецъ передалъ свой сонъ настоятелю. На другой день иноки съ кадилами и лампадами, воспѣвая молебное пѣніе, вышли на берегъ. Гавріилъ вышелъ въ море. Поддерживаемый той вѣрой, которая горами двигаетъ, онъ чудесно прошелъ по волнамъ, какъ по сушѣ, и принявъ среди моря святую икону.

Радостно встрѣтили ее иноки на берегу, поставили на томъ мѣстѣ часовню, три дня и три ночи совершали передъ иконой молебствія, а послѣ внесли икону въ соборную церковь, гдѣ и поставили въ алтарѣ.

На другой день монахъ, закигавшій лампы въ храмѣ, войдя въ церковь передъ заутреней, иконы не нашелъ. Она оказалась висѣвшей надъ вратами обители. Ее снова внесли въ храмъ, но еще двѣ ночи повторялось то же самое.

Наконецъ, Богоматерь, явившись благочестивому ино-

блага
о отъ
жж и
риста.
одно,
радая
когда
«Мнѣ
среди
идеть
дамся,
бшили
я спа-
а худ-
жнхъ,
орока,
Твой,
убили
бы от-
нѣ. Я
съ нея,
азбро-
: я въ
гнями
нялись
«Пра-
не съ
ионов-
до м.
е л е
о Цер-
ей вла-
ластью,
напри-
ствомъ,
Поэтому
а ката-

ихаилъ
вослав-
де они
новлен-
— кого
истъ»...
законі-
ща не
немы-
издѣва-
Церкви
восточ-
! Богъ
елъ ни-
Онъ да

ительно
ихаилъ
дете по-
зъ в о й-
міровой

езуслов-
ерковью
ско при-
о... Но
ихъ, изъ
Церкви.
такимъ
искусен-
и нис-